

На правах рукописи

Ван Хайцзяо

**ПРАГМА-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ ОШИБОК
АРГУМЕНТАЦИИ В СУДЕБНЫХ СПОРАХ**

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная
лингвистика

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Майкоп – 2023

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «ИРКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (ИГУ)»

Научный руководитель: Каплуненко Александр Михайлович,
доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты: Воркачев Сергей Григорьевич,
доктор филологических наук, профессор,
кафедра иностранных языков № 1
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный
технологический университет», профессор;

Маннапова Софья Андреевна,
кандидат филологических наук,
кафедра китайского языка ГАОУ ВО
г. Москвы «Московский городской педагогический университет», доцент

Ведущая организация: ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» (г. Москва)

Защита состоится «22» сентября 2023 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета по филологическим наукам 24.2.267.03 при ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208, конференц-зал.

С текстом диссертации можно ознакомиться в научной библиотеке им. Д. А. Ашхамафа ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Пионерская, 260, а также на сайте университета <https://adygnet.ru/nauka/aspirantura-doktorantura-dissertatsionnye-sovety/dissertation/5493/>

Автореферат разослан «___» _____ 2023 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Е.А. Богданова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Настоящее диссертационное исследование посвящено проблеме лингвистических и коммуникативных ошибок в судебных спорах по выполнению сторонами договора/контракта, выдвинутых условий и взятых на себя обязательств. Конкретное поле соответствующей юридической практики – процессы в арбитражных судах разного уровня в современных России и Китае.

Степень разработанности проблемы. Интерес к особенностям юридического дискурса в различных культурно-языковых пространствах неуклонно растёт по мере утверждения когнитивно-дискурсивной идеологии. Помимо фундаментальных работ, в центре внимания которых находятся вопросы жанровой специфики [Swales, 1990; Дементьев, 2000], соотношения параметров институциональности и персональности [Карасик, 2000; Дубровская, 2009; Бурмакина, 2019], принципов функционирования дискурсивных практик [Крапивкина, 2018, Богинская, 2020], выполнено и выполняется большое количество прикладных исследований. Начиная с конца 1990-х гг., их рост особенно заметен в КНР, где в связи с экономической активностью населения и разнообразием форм взаимодействия физических и юридических лиц обнаруживается потребность в лингвистических руководствах по организации и правовому обеспечению соответствующей хозяйственной деятельности.

Актуальность исследования обусловлена тем, что наступило время анализа и систематизации лингвистических причин, нарушающих взаимопонимание участников экономического сотрудничества в его отправной точке – тексте договора/контракта. Возникающие расхождения интерпретации его отдельных положений приводят к судебным спорам, которые нередко завершаются так, что стороны договора теряют стимулы к дальнейшему сотрудничеству. Поэтому исследование, ставящее цель изучения причин такого рода коммуникативных неудач, не может не быть актуальным.

Объектом исследования являются высказывания в объектных текстах, содержащие ошибки аргументации.

Предметом послужили прагма-семантические причины обнаруженных ошибок аргументации.

Материал исследования. Общий объём проанализированного корпуса составили тексты судебных решений (150 текстов на русском и 180 – на китайском языке), а также релевантные тексты сопроводительных документов (в первую очередь – деловой договор), рассмотренных на судебных заседаниях. 120 текстов судебных решений (50 на русском и 70 на китайском языке) были подвергнуты реконструкции с целью восстановления аргументативного дискурса участников судебного спора. Из них отобраны 45 реконструкций (22 на русском и 23 на китайском языке), репрезентативных для типичных ошибок аргументации в остальном корпусе реконструкций. Детальный анализ ошибок аргументации на материале конечной выборки представлен в основном тексте диссертации.

Гипотеза исследования. Предполагается, что семантические причины ошибок – в целом результат неоднозначной референции, в то время как прагматические – следствие нарушений Принципа Кооперации.

Цель исследования заключается в установлении, определении характера и научном обобщении прагма-семантических причин ошибок аргументации.

В соответствии с поставленной целью **задачи** исследования включают:

1. Рассмотрение жанровых особенностей делового договора и судебного решения как основных источников эмпирических фактов.

2. Реконструкцию аргументативного дискурса участников судебного спора на основе текста судебного решения.

3. Установление причин судебного спора в ходе анализа текстов договора и соответствующего судебного решения.

4. Определение семантических причин ошибок аргументации участников судебного спора.

5. Определение прагматических причин ошибок аргументации.

6. Квалификацию характера ошибок экспертного сообщества (арбитражного суда первой инстанции).

Методы исследования. Использовались как общенаучные (наблюдение, анализ и синтез), так и лингвистические методы (интерпретация и реконструкция смысла высказывания, идентификация референта лексико-семантического варианта (далее – ЛСВ) и высказывания, анализ словарных дефиниций, речевой анализ).

На защиту выносятся следующие положения:

1. Аргументативный дискурс делового судебного спора может быть реконструирован на основе структурной трансформации текста соответствующего судебного решения. В ходе реконструкции нейтрализуются жанровые признаки судебного решения и одновременно актуализируются показатели аргументативного дискурса.

2. Дискурс делового судебного спора организуется вокруг архивного высказывания, в качестве которого обычно выступает отдельное положение договора (или его часть), по тем или иным причинам вызвавшее различающиеся интерпретации носителей дискурса различий (сторон договора).

3. Пренебрежение дискурсоорганизующей ролью архивного высказывания со стороны участников спора неизбежно ведёт к нарушению ключевого правила аргументации – *argumentum ad rem*.

4. Семантические причины разночтений архивного высказывания (и последующих ошибок аргументации) обусловлены его омонимичной референцией. Чаще всего омонимичные референции обнаруживаются в высказываниях, обозначающих предмет договора, а также время и место выполнения договорных обязательств.

5. Прагматические причины ошибок аргументации вызваны нарушениями Принципа Кооперации. Нарушаются максимы количества, качества и релевантности. Нарушения супермаксимы количества проявляются как недостаток информации, лишаящий архивное высказывание однозначной интерпретации. В

контексте супермаксимы качества обычно нарушается максима «Не говори того, что считаешь ложным». Максима релевантности «Не нарушай *argumentum ad rem*» нарушается в результате подмены *argumentum ad rem*, аргумента к сути дела, *argumentum ad litteram*, или аргументом к «букве правила / закона / положения / инструкции».

6. Ошибки аргументации со стороны носителя дискурса экспертного сообщества (арбитражного суда) случаются в результате неточного выбора юридических ценностей (законодательных положений), в контексте которых рассматриваются обстоятельства конкретного судебного спора.

Теоретическую и методологическую базу исследования составили:

– теория речевых жанров (М.М. Бахтин 1997, В.В. Дементьев 2000, 2010, Пэн Личжэнь 2007, J. Swales 1990, Zhu Yunxia 2006);

– теория речевых актов (Дж. Остин 1986, Дж. Сёрль 1986, Н. Д. Арутюнова 1999, И. М. Кобозева 2000, D. Vanderveken 1990);

– дискурс-анализ (М.Фуко 2004, В.Г. Борботько 2011, А.М. Каплуненко 2007, А. А. Кибрик 2009, Чэн Лэ 2007, Ян Хаймин 2006, G. Lakoff 2006, J. Nunberg 2006);

- теория аргументации (Баранов 1990, Бокмельдер 2014, Войшвилло 2001, Ивин 2000, Перельман 1987, Toulmin 1958);

– теория референции (Н. Д. Арутюнова 1982, Б. Рассел 1982, Л. Линский 1982, Дж. Сёрль 1982, М. А. Кронгауз 2005, Ю Цинсюе 1998);

– прагмалингвистика (П. Грайс 1985, Дун Минь 2007, P. Grice 1975, J. Johansen 1986);

– исследования юридического дискурса (О.А. Крапивкина 2014, Т.В. Дубровская 2011, Сунь Чжэн 2009, Хуан Пин 2010, Хэ Цзинцю 2016, M. Sinclair 1985, Llewellyn 1960);

– исследования дискурсивных практик (М. Фуко 1999, А.В. Голоднов 2011, О.А. Богинская 2020).

Научная новизна исследования определяется тем, что впервые характеризуются реальные последствия расхождения интерпретаций договорных положений, возникающего в результате изменения позиций одной или обеих сторон договора. Впервые определены общие закономерности такого расхождения интерпретаций на материале языков, опирающихся на весьма различные лингвокультурные основания. Наконец, впервые описаны семантические и прагматические причины ошибок аргументации, допускаемых сторонами делового судебного спора.

Теоретическая значимость настоящей работы заключается в установлении причин семантического и прагматического характера, обуславливающих ошибки участников коммуникации в контексте юридической дискурсивной практики. Поскольку в жанре договора/контракта правила письменной коммуникации строго регламентированы так, чтобы избежать разночтений и расхождений интерпретаций, обнаружение слабых мест в коммуникативной эстафете «текст договора/контракта – договорной спор» теоретически значимо.

Практическая ценность диссертации определяется тем, что её материалы и выводы могут лечь в основу справочника по лингвистическому сопровождению деловой договорной практики и речевому поведению в ходе судебных споров. Кроме того, анализ эмпирического материала диссертации включает немало примеров анализа современного юридического дискурса, которые могут использоваться в лекциях и на семинарских занятиях соответствующего профиля.

Апробация работы осуществлялась в виде представления её отдельных результатов на заседаниях кафедры перевода и переводоведения института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета в период с 2019 по 2022 гг. Основные результаты исследования освещались в докладах на XXIV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Иркутск, 2020), на Международной научно-практической конференции, посвящённой 55-летию подготовительного факультета для иностранных граждан и кафедры РКИ МИ-ЭЛ Иркутского государственного университета (Иркутск, 2021), на Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Язык в эпоху цифровизации» (Иркутск, 2021). По теме диссертации опубликовано 10 статей, из которых 7 – в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, 3-х глав и заключения, а также библиографии и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В первой главе «**ЖАНРОВЫЕ И КОММУНИКАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДОГОВОРНЫХ ПРОЦЕССОВ**» рассмотрены речевые жанры «договор» и «судебное решение». Вслед за О.А. Крапивкиной понимаем под речевым жанром «договор (контракт)» – «документ, фиксирующий волю его участников, соглашение о взаимных обязательствах» [Крапивкина, 2014, с. 224]. При этом «соглашение двух или нескольких лиц» может быть достигнуто только в ходе коммуникативной эстафеты, в частности, дискурса согласования. Это соглашение должно предусматривать «обязательства сторон», следовательно, в ходе коммуникативной эстафеты возможен дискурс различий как с одной стороны, так и с другой. Но текст договора уже должен быть закреплён в рамках дискурса согласования, о чём свидетельствует прототипичность речевого жанра договор, выражаемая с помощью ассертива «договорились». С точки зрения китайской традиции речевой жанр «договор» имеет свои особенности. Безусловно, авторитет конфуцианства и идеографический тип письма являются главными факторами, которые способствовали развитию некоторых особенностей договорной практики. Тем не менее, исходные законодательные положения практически не отличаются от аналогичных российских, европейских и североамериканских документов. Следовательно, речевой жанр «договор» отра-

жает форму приведения дискурса различий 1 и дискурса различий 2 к дискурсу согласования и закрепление результатов этого взаимодействия в виде текста.

Жанр «судебное решение» раскрывается в нашем исследовании с иной стороны, чем «договор». Предварительное обсуждение договора его сторонами завершается письменным текстом, регламентирующим действия сторон в ходе делового сотрудничества, а также их ответственность за неисполнение взятых на себя обязательств. Не будет преувеличением утверждать, что рассмотрение речевого жанра «договор» с позиций лингвистики речевого взаимодействия малоперспективно. Как правило, протоколы встреч сторон не ведутся; извлечь же из текста детали его обсуждения невозможно.

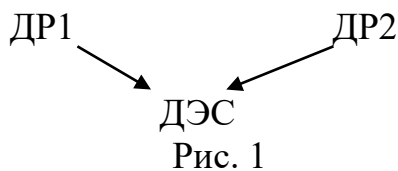
Другое дело – судебное решение, в котором претензии сторон друг к другу и аргументы арбитражного суда изложены полно и адекватно. Следовательно, текст речевого жанра «судебное решение» представляет собой заключительный этап развития дискурса судебного спора, оформленный по правилам и требованиям экспертного сообщества.

Поставив задачу реконструкции дискурса судебного спора, необходимо начать с разработки универсальной схемы анализа. Идеологическим первооткрывателем приоритета культуры в разработке модели реконструкции дискурса был М. Фуко. Его модель не только охватывает множество родственных текстов определённой тематической области, но также локализует их историко-социальную принадлежность. Глубокие, эвристически богатые идеи французского исследователя воплощены в понятиях «архив дискурса» и «архивное высказывание» (далее – АВ). Последний термин М. Фуко понимает как «специфическую закономерность (regularite) в ходе дискурса определённых тем, понятий и познания» [Фуко, 2004, с. 247]. Полагаем, что адаптация понятия «архивное высказывание» помогает разработать типовую схему реконструкции дискурса судебного спора на основе текстов жанра «судебное решение».

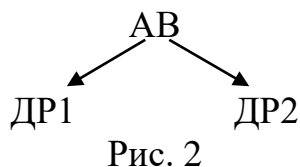
Сообразно с целями нашего исследования главной характеристикой дискурса судебного спора логично считать его организацию вокруг письменного высказывания в тексте договора, смысл которого интерпретируется сторонами спора по-разному. Принимая точку зрения М. Фуко, такое высказывание считается **архивным**, если весь дискурс отдельного спора – вплоть до вынесения судебного решения – полагать как отсроченное событие в рамках соответствующего времени культуры. Более того, и в тех случаях, когда судебное решение оспаривается и рассмотрение дела поступает в арбитражный суд более высокой инстанции, оспариваемое положение договора – читай, архивное высказывание дискурса – остаётся прежним [Каплуненко, Ван Хайцзяо, 2023]. Таким образом, объём дискурса может возрасть, но ни время культуры (судебный спор от объявления разногласий сторон до его окончательного решения), ни архивное высказывание дискурса не претерпевают качественных изменений. Наше определение «отсроченное событие» подчёркивает, с одной стороны, неизбежное окончание коммуникативного процесса, с другой стороны, наличие

множества текстов, образующих дискурс, разнесённых во времени, но, тем не менее, связанных **одним** архивным высказыванием.

Вслед за эволюционной теорией дискурса, разработанной А.М. Каплуненко, будем считать, что дискурс любой сферы культуры и жизнедеятельности эволюционирует в направлении от дискурса различий (ДР) к дискурсу согласования (ДС) и от него – к дискурсу экспертного сообщества (ДЭС) [Каплуненко, 2007; 2009]. На первом этапе эволюции участники опираются на индивидуальный опыт переживания действий, событий, процессов. Этот опыт даёт разные представления о сущностях и характеризуется господством концепта как знака и ДР как речедейательностной формы. На втором этапе участники-носители ДР стремятся к взаимопониманию. Индивидуальные представления модифицируются таким образом, чтобы устранить различия интерпретаций сущностей. Формируется ДС, в основе которого – понятие как знак. Термин ДС уже употреблялся ранее по отношению к тексту делового договора. В самом деле, подписи сторон свидетельствуют о согласованном понимании таких ключевых понятий договора, как его предмет, локальные, временные и финансовые параметры делового взаимодействия сторон. Наконец, на третьем этапе образуется ДЭС, в основе которого – термин как знак. Соответственно, в дальнейшем описании дискурса судебного спора Истец определяется как носитель ДР1, Ответчик – носитель ДР2 и Арбитражный суд – носитель ДЭС. Ниже приводим триаду понятий, описывающих дискурсивные связи участников судебного спора (рис. 1):

Также триадой, но с обратным направлением векторов, описывается отношение носителей ДР к архивному высказыванию (АВ), положению договора, инициирующему разногласия ДР1 и ДР2 (рис. 2):

В ходе анализа эмпирического материала также используется понятие «интерпретация / носителя ДР1 / носителя ДР2». Простейший пример интерпретации – сведение аргументов носителей ДР к однозначному заключению. Так, судебные аргументы носителя ДР1 могут сводиться к заключению: «Сторона ДР2 нарушает **положение о порядке расчётов за поставленную продукцию**». Соответственно, контраргументы носителя ДР2 сводятся к возражению: «Сторона ДР2 соблюдает **положение о порядке**

расчётов за поставленную продукцию». Ясно, что выделенный фрагмент в обеих интерпретациях – архивное высказывание (АВ). Целесообразно продемонстрировать применение схемы реконструкции дискурса в анализе эмпирического материала.

Пример 1. *«Шестнадцатый арбитражный апелляционный суд в составе судьи Токаревой М.В. рассмотрев ... апелляционную жалобу ... на решение Арбитражного суда Ставропольского края от 24.11.2020 ... о взыскании задолженности...»* (Судебное решение (далее – С.Р.) № А63-12893/2020, резолют. ч. 02.06.2021, постановление от 09.06.2021). Таким образом, как и при первичном ДЭС (арбитражный суд первой инстанции), так и при последующих ДЭС указывается наименование арбитражного суда, должность, ФИО судьи, а затем интенция носителя ДР1 нарушения юридической практики носителем ДР2 на основании АВ, т.е. текста договора.

Повторное рассмотрение как в ДЭС₂, так и в ДЭС_N может прийти в резолютивной части РЖ «судебное решение» к тем же выводам, что и ДЭС₁. При этом как ДЭС₂ или ДЭС_N должны учитывать вновь интенции носителей ДР1 и ДР2, юридическую оценку аргументов сторон и юридических ценностей (статей и положений законов, а также из арбитражной практики), а также АВ, которое всегда остаётся прежним, т.е. не претерпевает качественных изменений: *«решение Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда Ставропольского края от 24.11.2020 по делу о взыскании задолженности... оставить без изменения, апелляционную жалобу – без удовлетворения»* (С.Р. № А63-12893/2020, резолют. ч. 02.06.2021, постановление 09.06.2021).

Очевидно, что судебный спор начинается с противостояния интерпретаций архивного высказывания носителями ДР1 и ДР2. Это противостояние снимается, если интерпретаторы-носители ДР1 и ДР2, действуя сообразно с Принципом Кооперации [Грайс, 1985], приходят к ДС. В случае неспособности или нежелания идти по такому пути, носители ДР обращаются к Арбитражному суду как носителю ДЭС. Последний в адрес ДР1 и ДР2 выдвигает интерпретацию, суггестирующую ДС, который, если не примиряет носителей ДР, то снимает тяжёлый характер с их деловых отношений. Основные варианты интерпретации ДЭС следующие: 1) полная синонимия интерпретаций ДЭС и ДР1 (однозначная поддержка аргументов истца); 2) полная синонимия интерпретаций ДЭС и ДР2 (полная поддержка аргументов ответчика); 3) неполная синонимия интерпретаций ДЭС, ДР1 и ДР2 (частичная поддержка аргументов ДР1 и ДР2).

Пример 2. Анализ следующего примера требует краткого описания его предыстории.

Носитель ДР2 обязался оплатить носителю ДР1 юридические услуги в размере 15000 юаней. Представитель ДР1 получил от представителя ДР2 лишь 6000 юаней. На обороте счёт-фактуры представитель ДР1 записал: *«实收陆仟元整 (6000.00 元) 已结清 冯冬妮 2011.12.30»* (*‘Получено 6000 юаней. Всё уже оплачено. Подпись 30.12.2011’*). Именно эта запись стала, в конечном счёте, архивным высказыванием в дискурсе судебного спора. Представители сторон выдвигают следующие аргументы и контраргументы в пользу их позиций:

Носитель ДР1: **A1.** Полная сумма к оплате 15000 юаней. **A2.** Оплачено 6000 юаней. **A3.** Оплата 6000 подтверждена распиской нашего представителя. **A4.** Примечание 已结清 冯冬妮 (Всё уже оплачено) относится только к сумме 6000 юаней. **Заключение:** Носитель ДР2 должен заплатить ещё 9000 юаней [URL: <https://www.chinacourt.org/article/detail/2015/09/id/1710259.shtml>].

Носитель ДР2 контраргументирует: **A1.** Полная сумма к оплате действительно 15000 юаней. **A2.** Сумма 15000 юаней нами оплачена полностью. **A3.** Представитель ДР1 подтвердил оплату 15000 юаней записью 已结清 冯冬妮 (Всё уже оплачено). **A4.** Представитель ДР1 присвоил 9000 из оплаченной суммы 15000 юаней [Там же].

Интерпретация ДЭС хорошо иллюстрирует вывод о том, что в дискурсе договорных споров апелляция к ценностям-законодательным положениям играет ведущую роль (см. п. 1.8). Носитель ДЭС заявляет следующий порядок аргументации: **A1.** Носители ДР1 и ДР2 признают факт заключения договора. **A2.** Носители ДР1 и ДР2 признают полную сумму к оплате в размере 15000 юаней. **A3.** В соответствии со ст. 509, 577 ГК КНР Стороны обязаны в полном объеме выполнять возложенные на них обязательства в соответствии с договоренностями. **A4.** Исходя из сложившейся практики, после погашения кредита заемщик требует возврата или уничтожения долговой расписки, либо выдачи документа, подтверждающего погашение долгового обязательства. **A5.** В соответствии со ст. 05 Положения Верховного народного суда о доказательствах в гражданском судопроизводстве сторона, ответственная за исполнение оспариваемых обязательств, предоставляет соответствующие подтверждающие документы. **A6.** Носитель ДР2 не предоставил документы, свидетельствующие о погашении задолженности в размере 15000 юаней в полном объеме. **Заключение:** Аргументы носителя ДР1 признать верными, а его требования подлежащими удовлетворению в полном объеме.

В отличие от предыдущего примера ценности высшего уровня «справедливость» и «чувство ответственности» задаются носителем ДЭС через инференцию. Так, ценность «чувство ответственности» инферируется в А2, А4 и А5, ссылающихся как на статьи закона, так и на сложившуюся практику деловых отношений (А4). Интересно, что А4 идеологически созвучна главному принципу прецедентного права. Скорее всего, её корни созрели намного раньше англосаксонской традиции благодаря учению Конфуция.

Таким образом, носитель ДЭС (арбитражный суд) по отношению к носителям ДР1 и ДР2 выдвигает интерпретацию, которая либо примиряет носителей ДР, либо снимает тяжёлый характер с их деловых отношений. В случае обращения ДР1 и ДР2 в ДЭС апелляционной инстанции, дискурсообразующая роль архивного высказывания нового судебного спора сохраняется.

Во второй главе «**ПРОБЛЕМЫ РЕФЕРЕНЦИИ КАК СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ ДЕЛОВЫХ СУДЕБНЫХ СПОРОВ**», используя омонимичную референцию в конфликтных интерпретациях архивного высказывания носителями ДР в ходе судебного спора, приведены семантические причины ошибок аргументации как в российских, так и в китайских деловых договорах в

контексте формулировки предмета договора, временных параметров исполнения обязательств, а также локаций (места подписания и исполнения договора, места доставки грузов и т.п.). Рассмотрим подробнее.

Пример 3. Носители ДР1 и ДР2 выдвигают разные интерпретации следующего АВ: «*Предмет договора – поставка **обработанной нежной курицы***» [Чжан Инь, 2009, с. 50-52]. Выделена часть высказывания, обусловившая разночтения. С лингвистической точки зрения ошибка, заложенная в текст договора – неконкретная, точнее, омонимичная [Кронгауз, 2005, с. 323] референция к объекту. Атрибутивы «обработанная» и «нежная» можно понимать, по-разному; первый как «ошипанная», «потрошённая», «подвергнутая кухонной обработке» и т.п., второй – «не имеющая жировых отложений», «не старше 10 месяцев» и т.п. Неудивительно, что первая поставка оказалась варёным куриным мясом; носитель ДР2 руководствовался интерпретацией «*Обработанная нежная курица – следовательно, варёная*». Также закономерно, что носитель ДР1 обвинил партнёра в нарушении контракта. Его интерпретация: «*Нежная курица*» – продукт, предназначенный для запекания и жарения и, следовательно, не подлежащий варке» [Чжан Инь, 2009, с. 50-52].

Таким образом, референцию «*обработанная нежная курица*» нельзя назвать конкретной. Попробуем расширить контекст соответствующей дескрипции добавлением атрибутивов «свежая» и «охлаждённая». Если первый из них исключает кухонную обработку, добавляя соответствующую конкретность референту, второй не обладает таким свойством. В самом деле смысл «охлаждённая» вполне совместим с температурой 14 °С, но это не исключает заражение мяса бациллой сальмонеллёза. Соответственно, «охлаждённая до 5-7 °С» гораздо конкретнее. Кроме того, семантическая оптимизация референта должна включать такие параметры, как размер, вес, равно как иные релевантные качественные характеристики. Наличие обязательных потребительских стандартов, имеющих кодифицированные обозначения, в первую очередь обусловлено необходимостью избежать многосложных дескрипций, достигающих статуса конкретных референций. Поэтому адекватна референция «согласно ГОСТу А-34/2011», в которой код замещает роль дейктического знака, отсылающего к соответствующему описанию количественных и качественных параметров продукта.

Развитие трёх разновидностей дискурса (ДС, ДР, ДЭС) носит эволюционный характер, в связи с чем возникают противоречивые ситуации. В частности, ДЭС может трансформироваться под влиянием ДР, если условия последнего предпочтительны с точки зрения речевого взаимодействия. Показательны случаи языкового соперничества носителей ДР с носителями ДЭС – профессиональными организациями за знаки референции. В условиях российской действительности такие ситуации весьма нередки в ходе речевого взаимодействия жильцов многоквартирных домов с управляющими компаниями. Это многоэтапное соперничество обычно завершается обращением к независимому эксперту (в нашем случае, в ДЭС – арбитражный суд). От начала спора до его завершения экспертным заключением накапливается значительный объём тек-

стовой информации. По этой причине рассмотрим пример, иллюстрирующий основные этапы поиска оптимальной референции в договоре участников.

Пример 4. Носитель ДР1 (Товарищество собственников жилья) заключил договор с носителем ДР2 (Водоканал) по ремонту и обслуживанию сетей водоснабжения и канализации. Вскоре у сторон возникли разногласия в интерпретации следующего положения договора: *«Границей эксплуатационной ответственности объектов централизованных систем холодного водоснабжения и водоотведения организации водопроводно-канализационного хозяйства является: по водопроводу – ответные фланцы после запорной арматуры по ходу движения воды в ВК 8-3-30, ВК 8-3-31, по канализации -КК 8-1-14»* (С.Р. от 22 июля 2022 г. по делу № А29-4620/2022). Очевидно, что выделенная часть положения – АВ – содержит пространственную референцию, выполненную в терминах носителя ДР2. Если профессиональные дескрипции «ответные фланцы» и «запорная арматура» ещё могут дать интерпретатору ДР1 хотя бы приблизительное представление о референтах, то кодифицированные обозначения понятны только носителю ДР2. Любопытно, что последний в данном случае позиционирует себя как представитель ДЭС, закрытого для внешних по отношению к нему интерпретаторов. Это не совсем честный приём: фактически манипулируя специальным знанием, ДР2 лишает носителя ДР1 возможности адекватной интерпретации.

Поэтому носитель ДР1 обращается к ДЭС с предложением закрепить спорное положение в новой редакции: *«Местом исполнения обязательств организации водопроводно-канализационного хозяйства по настоящему договору является:*

– *по водопроводу: точка на границе эксплуатационной ответственности Абонента;*

– *по канализации: точка на границе эксплуатационной ответственности Абонента».*

Новое положение сформулировано в терминах, на первый взгляд, понятных обоим интерпретаторам. Однако ДЭС правомерно указывает, что имя «точка» не является носителем конкретной референции. Мы не будем приводить аргументы, доказывающие омонимичный характер референции, они самоочевидны уже на фоне известной аксиомы об отсутствии геометрических размеров точки. Таким образом, освобождая новую референцию от прежней профессиональной замкнутости, интерпретатор ДР1 не решает проблему оптимизации. «Точка» не может считаться конкретным референтом в условиях такого объекта, как водопроводные и канализационные сети, а значит, различия интерпретаций сторон договора неизбежны.

Дальнейший поиск решения проходит параллельно с оспариванием ещё двух положений из «Акта о разграничении балансовой принадлежности Абонента и эксплуатационной ответственности»: 1) *«Граница балансовой принадлежности по водопроводу. Граница Абонента: Определение границы балансовой принадлежности Абонента в связи с отсутствием правоустанавливающих документов на сети не представляется возможным»; 2) «Граница балансовой*

принадлежности по канализации. Граница Абонента: Определение границы балансовой принадлежности Абонента в связи с отсутствием правоустанавливающих документов не представляется возможным». Обе формулировки явно в пользу носителя ДР2. Отказ от пространственной референции аргументируется отсутствием правовой основы. Но принять такие положения – значит, открыть простор отклонениям заявок и жалоб Абонента: ведь «Водоканал» получает право самостоятельного определения границ его ответственности. Носитель ДР1 вновь обращается к ДЭС с заявлением уточнённого варианта: «1) **Граница балансовой принадлежности по водопроводу. Граница Абонента: Внешняя граница стены многоквартирного дома 121а, ул. Первомайская, г. Сыктывкар**»; 2) «**Граница балансовой принадлежности по канализации. Граница Абонента: Внешняя граница стены многоквартирного дома 121а, ул. Первомайская, г. Сыктывкар**».

Ясно, что предлагаемая референция свободна от омонимичности и прочих неоднозначных признаков. Почтовый адрес объекта уточнён указанием на его релевантную часть «внешняя граница стены». Именно эта референция избирается экспертом как основная в аналогичных положениях договора. ДЭС постановил *«уточнить границу эксплуатационной ответственности для ответчика границей балансовой принадлежности и эксплуатационной ответственности объектов централизованных систем холодного водоснабжения организации водопроводно-канализационного хозяйства и абонента:*

по водопроводу: Внешняя граница стены МКД – Первомайская, 121 а
по канализации: Внешняя граница стены МКД – Первомайская, 121 а».

Можно оценивать такое решение как выбор в пользу здравого смысла, которым обычно руководствуются участники ДС. Лингвистический вывод следующий: споры о взаимоприемлемой референции должны решаться в пользу варианта, исключающего различия интерпретаций. С точки зрения семантики такой вариант, как правило, представлен дескрипцией. И, как показал анализ примера, носитель ДР1 в ходе речевого взаимодействия с носителем ДЭС способен проявить готовность к предложению ключевой референции, снимающей необходимость судебного спора.

Нередки нечёткие референции к времени. В частности, различия интерпретаций носителей ДР1 и ДР2 возникают там, где общие указания на деловое событие в определённый временной период не уточняются такими деталями, как периодичность, распределение события внутри временного периода; например, между ночным и дневным временем, по отношению к прайм-тайм и другим релевантным признакам референции.

Пример 5. Контекст ситуации. Заключен договор о размещении рекламы на уличных LED-экранах, согласно которому носитель ДР1 поручает носителю ДР2 размещение рекламы на 13 уличных LED-экранах, принадлежащих носителю ДР2. В договоре пункт гласит так: «发布期限自 2010 年 1 月 1 日起至 2010 年 12 月 31 日止, 发布时段条款约定滚动播放时间为 365 天全天播放, 每天 60 次×30 秒或 120 次×15 秒» ‘Срок действия размещения рекламы с первого января 2010 года по тридцать первое декабря 2010 года. Реклама будет транс-

лироваться круглосуточно 365 дней, каждый день 60 раз × 30 сек. либо 120 раз × 15 сек' (см. Приложение 4, от 2011 г. №04-407).

В процессе выполнения договора носитель ДР1 потребовал, чтобы носитель ДР2 размещал рекламу GF FUND MANAGEMENT с пятого апреля 2010 года по четвертое августа 2010 года в следующем режиме: **30 трансляций в промежутке с 11:30 по 14:30 и 60 трансляций – с 17:00 по 21:00**. Носитель ДР2 выслал официальное письмо отказа.

Выделенная часть дополнительного требования ДР1 легла в основу дискурса судебного спора как его **архивное высказывание**. Интерпретация и аргументы ДР1: «Дополнительное требование к режиму размещения рекламы законно». **А1.** *Двумя сторонами заключён договор о размещении рекламы.* **А2.** *Согласно договору, реклама транслируется круглосуточно 365 дней, каждый день либо 60 раз × 30 сек., либо 120 раз × 15 сек.* **А3.** *При круглосуточном режиме показа носитель ДР1 имеет право выбрать любое конкретное время в рамках суток.* **А4.** *Требование размещать рекламу GF FUND MANAGEMENT в режиме 30 раз трансляций с 11:30 до 14:30 и 60 раз трансляций с 17:00 до 21:00 является справедливым.* **Заключение:** *Отказ носителя ДР2 от размещения рекламы в указанном режиме должно рассматриваться как нарушение договора.*

Обратим внимание: А3 заявляется носителем ДР1 без ссылки на договор, а как разумеющееся «по умолчанию» право ДР1. Аналогичен характер А4, в котором утверждение протагониста не подкреплено никакими доводами, кроме отсылки к предыдущему аргументу А3. Таким образом, апелляция ДР1 к справедливости не подкреплена ни одним *argumentum ad rem*.

Интерпретация и аргументы носителя ДР2: «Дополнительное требование ДР1 не законно»: **А1.** *Две стороны на основе добровольности и равенства заключили договор с определенными условиями.* **А2.** *Условие «каждый день 60 раз × 30 сек. либо 120 раз × 15 сек.» означает, что носитель ДР2 имеет право выбрать время размещения при удовлетворении требованиям того, что совокупная продолжительность показа составляет 30 минут.* **А3.** *Временные интервалы с 11:30 до 14:30 и с 17:00 до 21:00, на которых настаивает ДР1, относятся к «прайм-тайм», когда предусматривается размещение рекламы по другому тарифу.* **А4.** *Условие о тарифе «прайм-тайм» в договоре отсутствует.* **А5.** *Согласно договору, ДР2 обязан транслировать рекламу каждый день 60 раз × 30 сек., либо 120 раз × 15 сек., независимо от конкретного времени суток.* **Заключение:** *Дополнительное требование носителя ДР1 является незаконным.*

ДР2 не ссылается на какие-либо статьи законов, ограничиваясь только интерпретацией положений договора. Тем не менее, этого достаточно, чтобы выполнить основное требование к аргументации сторон в дискурсе судебного спора, а именно, главенство *argumentum ad rem*. При этом А5 выглядит как дублирование А2, но такой приём аргументации позволяет акцентировать положение договора, говорящее в пользу ДР2.

Как неоднократно отмечалось выше, ДЭС строит собственную расширенную аргументацию с привлечением законодательных документов, имеющих порой не очевидное отношение к делу с точки зрения не принадлежащих к ДЭС интерпретаторов: **А1.** *Носители ДР1 и ДР2 признают факт заключения договора.* **А2.** *Подтверждено, что содержание договора является выражением истинных намерений обеих сторон.* **А3.** *Однако договорённости не должны нарушать обязательные положения законодательства и административные правила.*

Первые два аргумента ДЭС, кроме констатации согласия ДР1 и ДР2 с фактом заключения делового договора, подчёркивают убеждение ДЭС в истинности намерений сторон. Если А1 – ритуальный ход ДЭС в начале комментариев судебного спора, то А2 заявляется не всегда. Представляется, что обращение к истинности намерений ДР1 и ДР2 призвано привлечь внимание участников к тому, что выдвижение дополнительного, не оговорённого в тексте договора требования не совсем согласуется с первоначальными намерениями одного из участников. Этот намёк усилен ограничительным характером риторики А3, призывом соблюдать законы и правила, которые по понятным причинам в договорах не цитируются.

А4. *В договоре заявлено: «Реклама будет транслироваться круглосуточно 365 дней, каждый день 60 раз × 30 сек. либо 120 раз × 15 сек».* **А5.** *Однако отсутствует конкретная договорённость о том, какая конкретно реклама будет размещаться, когда и на каком экране.* **А6.** *В соответствии с коммерческой практикой, стоимость размещения рекламы должна рассчитываться по таким условиям, как место демонстрации, временной период, количество и продолжительность трансляций.*

Эти три аргумента играют центральную роль в аргументации. Они звучат как упрёк обеим сторонам, упустившим необходимость положений, которые, переходя на язык лингвистики, могли бы снять неопределённость референции к времени трансляций (ср. А4). Кроме того, указывается на необоснованность требований к особому размещению конкретной рекламы по причине отсутствия соответствующего договорного положения (ср. А5). Наконец, со ссылкой на коммерческую практику подчёркивается необходимость конкретных договорённостей об оплате размещения рекламы в зависимости от конкретных технических и организационных условий; конечно, к последним относится и «прайм-тайм».

А7. *В соответствии со ст. 05 договорного права КНР, стороны должны определить соответствующие права и обязанности, руководствуясь принципом справедливости и равенства.* **А8.** *В соответствии со ст. 107 договорного права КНР, сторона должна продолжить выполнение обязательств, принять меры по исправлению либо компенсировать убытки при условиях невыполнения, либо не надлежащего выполнения обязательств.* **Заключение:** *Аргументы носителя ДР2 признать верными, а его требования подлежащими удовлетворению в полном объёме.*

Если А7 – резолютивный аргумент, апелляция к высшим юридическим ценностям, то А8 – скорее, предупреждение проигравшему тяжбу ДР1 о необходимости выполнить законом предусмотренные в этом случае действия. Возможно, что побудили ДЭС к такому аргументу весьма сомнительные рассуждения ДР1 о справедливости в ходе судебного спора.

Приведённый пример иллюстрирует чисто лингвистическую неудачу в формулировке референции к времени. Носители ДР, по всей видимости, пытаясь сконструировать многокомпонентную дескрипцию, получили контрпродуктивный результат. Это – наглядный пример того, что умножение предикатов и квалификаторов времени в рамках дескрипции не всегда приводит к оптимальной референции.

Исследованный эмпирический материал убеждает в том, что и в китайских, и в российских деловых договорах омонимичные референции могут обнаруживаться в трёх контекстах, а именно, в формулировках предмета договора, временных параметров исполнения обязательств, а также локаций (места подписания и исполнения договора, места доставки грузов и т.п.).

Как правило, омонимичные референции к предмету договора разрешаются ДЭС в пользу одного из носителей ДР. Такой исход спора характерен, в первую очередь, при наличии однозначных количественных параметров договорного предмета или его обозначения с помощью официально принятых стандартов и систем кодификации. ДР, настаивающий на точном соответствии предмета договора принятым сторонами параметрам, аргументирует в соответствии с требованиями *argumentum ad rem* и получает поддержку ДЭС.

Сложнее оказывается проблема принятия решения в пользу одного из ДР, если омонимичными оказываются референции к времени и локациям. Лишь небольшая часть таких споров завершается решением ДЭС в пользу одного из ДР. Большинство рассмотрений приходят либо к частичному удовлетворению претензий носителей ДР, либо к признанию соответствующего договора ничтожным.

Важно подчеркнуть, что омонимичные референции, стоящие за архивными высказываниями дискурса судебного спора, провоцируют ошибки аргументации носителей ДР в виде уклонения от *argumentum ad rem*. Распространены *tu quoque* («ты тоже»), переводящие фокус дискурса с условий договора на личность антагониста. В некоторых случаях носитель ДР прибегает к *argumentum ad populum*, широкому по объёму, но ограниченному по содержанию, следовательно, омонимичному аргументу. Есть случаи использования *argumentum ad verecundiam*, аргумента к авторитету (головной организации, влиятельного государственного учреждения и т.п.) в попытках воздействовать на мнение ДЭС.

Очевидно, что только устранение омонимичных референций в тексте договора в ходе его разработки предупреждает нежелательные расхождений интерпретаций его положений участниками речевого взаимодействия. Эффективным лингвистическим средством устранения омонимичности является конкретная дескрипция.

В третьей главе «**ОШИБКИ АРГУМЕНТАЦИИ В СУДЕБНЫХ СПОРАХ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЛИНГВАПРАГМАТИКИ**» комментируется роль референции говорящего, анализируются ошибки аргументации в судебных спорах, обусловленные нарушениями Принципа Кооперации.

Семантические причины ошибок аргументации в договорных спорах коренятся, главным образом, в омонимичных референциях, которые допускаются носителями ДР на этапе формирования текста договора. Но целесообразно уточнить место семантического аспекта в целом семиозиса. Перспективным представляется подход Й.Д. Йогансена, применившего понятие пирсовой интерпретанты к характеристике эволюции знака.

Иначе говоря, непосредственный и актуальный результаты интерпретации связаны, соответственно, с восприятием формы и конвенционального значения знака. И только принимая во внимание особенности контекста интерпретации, адресат постигает конкретный смысл знака, включающий интенцию адресанта, соответствие его социолингвистического статуса выражаемой интенции и другие критерии, образующие в их сумме прагматический аспект знака.

Нельзя не заметить, что прагматические аспекты деловой коммуникации функционируют во всех регламентирующих её жанрах. Так, они очевидны в законодательных положениях, **обязывающих** стороны взаимодействовать в установленном порядке, равно как в договорных пунктах, **устанавливающих порядок** взаимодействия в конкретных ситуациях. Немалую роль в возникновении и ходе судебных споров играет **личный опыт** деловой активности носителей ДР. На основании опыта предыдущей деятельности в аналогичном контексте ситуации, один из носителей ДР **обвиняет** другого в нарушении установленной юридической практики, а контраргументы ответчика **переводят фокус ответственности** на третье лицо. Наконец, наряду с тем, что носители ДР проявляют различия в юридической компетенции, носители ДЭС АИ **соглашаются / не соглашаются** не только с аргументами носителей ДР, но также с решениями ДЭС ПИ. Выделяя ключевые предикаты высказываний, мы намеренно воспользовались здесь манерой Л. Витгенштейна, описывающего суть языковых игр в «Философских исследованиях» [Витгенштейн, 1994, с. 90]. Как представляется это описание – одно из наиболее ярких манифестаций языковой прагматики.

Исходя из особенностей эмпирического материала нашего исследования, начнём с характеристики достижений Л. Линского, одним из первых обратившего внимание на прагматические истоки референции. Соотнесение акта референции с говорящим субъектом однозначно выражено в следующем его утверждении: «Референция характеризует употребление языка говорящим, а не является свойством самих выражений» [Дюко, 1982, с. 268]. Л. Линским выдвинуто понятие референции говорящего, опорой которого является его (говорящего) интенция, намерение [Там же]. Но если намерение говорящего определяет характер его референта, результатом коммуникативного взаимодействия далеко не всегда будет ДС. В предыдущей главе исследования приведено немало примеров, за контекстом ситуации которых стоят неоднозначные деловые отноше-

ния носителей ДР. Из того, что стороны договора активно участвуют в обсуждении (и уточнении) положений, следуют их попеременные речевые действия в качестве говорящего. Разумеется, их интенции разнятся уже потому, что каждый, несмотря на стандартное заявление о «добровольном и равноправном сотрудничестве», стремится к оптимизации выгоды его стороны. Носители ДР могут достичь уровня ДС в ситуации заключения договора, но обнаружить разногласия в ходе его выполнения, когда либо один, либо оба участника приходят к выводу, что результаты сотрудничества не соответствуют их планам. Выясняется, что, либо референция к предмету договора омонимична, либо аналогичные ошибки допущены в референциях к времени или локациям.

Окончательно закреплён статус референции говорящего в работе Дж. Сёрля, в которой речевой акт и референция рассматриваются в неразрывной связи, начиная с названия статьи [Сёрль, 1982]. Стержнем теории Дж. Сёрля является принцип идентификации. По последнему, конкретная референция говорящего возможна в трёх случаях: 1) высказывание содержит предикаты, истинные для слушающего, 2) высказывание содержит презентацию только одного объекта, 3) высказывание соединяет дейктики и дескрипции, достаточные для идентификации только одного объекта. Автор постулирует очень важное различие между успешной, с одной, и полностью завершённой референцией, с другой стороны. Успешная референция – несколько обманчивый термин. Так может определяться наименование, интерпретируемое адресатом *только по его форме* как имя предмета, находящегося в коммуникативном фокусе участников. Показательные примеры, в которых экспертная референция воспринимается не входящим в ДЭС адресатом как наименование фокусного предмета исключительно с позиции контекста интерпретации адресанта. При этом прямой речевой акт отнюдь не гарантирует взаимопонимание. Адресат требует использовать лингвистическое средство, способное дать полностью завершённую референцию, однозначную для всех участников коммуникации. Очевидно, что акт референции в этом случае носит чисто прагматический характер, так как происходит настройка знака под восприятие адресата.

Идеи Дж. Сёрля критикуются, его положения уточняются в современных исследованиях. В частности, Д. Борсема солидаризуется с положениями референции говорящего, но критически оценивает кластерную теорию имени собственного [Boersema, 2009]. Критику также поддерживает Р. Мадзиа [Madzia, 2011]. Кратко: критики не согласны с тем, что ИС является сокращением не одной дескрипции (известная точка зрения Б. Рассела), а, по утверждению Дж. Сёрля, кластера дескрипций. Но, в таком случае, мы вынуждены утверждать, что, например, имя «Владимир» восходит к одной и той же дескрипции в любое время культуры, будь то Владимир-креститель Руси, Владимир Мономах, Владимир Ленин или Владимир Путин. Безусловно, Дж. Сёрль правомерно полагает, что в аналогичных случаях адекватная дескрипция выбирается говорящим сообразно причинно-историческому подходу из кластера дескрипций. С этой позицией согласен известный исследователь прагматических аспектов референции Ц. Элгин [Elgin, 1984].

Продолжим комментарием вклада в разработку проблемы Д. Вандервекеном. К тому, что уже сказано о нём выше добавим, что двухтомный труд Д. Вандервекена выполнен в русле метаматематической идеологии [Vanderveken, 1990]. Исследователь предлагает объединить разработанную им иллокутивную логику, суммирующую идеи теории речевых актов, с интенциональной логикой, основанной на полвека раньше Р. Карнапом [Carnap, 1947] и А. Чёрчем [Church, 1951, 1959] и развитой в трудах Р. Монтегю [Монтегю, 1981] и Д. Каплана [Kaplan, 1989] под эгидой семантики. Наши рассуждения об ошибках референции, изложенные в предыдущих разделах работы, идеологически близки принципам интенциональной логики и, таким образом, попадают в новую область науки, замысленную Д. Вандервекеном. Однако природа референции как знака говорящего содержит немало особенностей, раскрытие которых в контексте новой области, как представляется, требует отдельного фундаментального исследования. Несмотря на нашу высокую оценку проекта Д. Вандервекена, мы предпочитаем придерживаться в настоящей диссертации традиционного разграничения подходов и инструментов семантики, с одной, и прагматики, с другой стороны.

В частности, принцип идентификации, конкретизированный Дж. Сёрлем в понятиях успешной и полностью завершённой референции, позволяет внести важное уточнение в дискурсивную динамику отношений между носителями ДР и ДЭС в ходе судебного разбирательства. На этапе составления договора носители ДР добиваются успешной референции, и этот успех выражен в тексте договора как представителе ДС. Но поскольку успешная референция знаменует промежуточный этап речевого взаимодействия, возникают ситуации, требующие уточнения референта. Соответственно, дальнейшее взаимодействие происходит с участием ДЭС как посредника, указывающего на неполноту – и даже противоречие – знаковой ситуации в условиях успешной референции. Лишь экспертное решение ДЭС даёт полностью завершённую референцию. Как показывают практически все примеры, проанализированные в главе 2, решение ДЭС не просто «восстанавливает справедливость», но с необходимостью меняет, в терминах ТРА, положение дел в мире, или, в конечном счёте, характер дальнейшего взаимодействия носителей ДР. Последние могут либо сотрудничать в рамках нового ДС после корректировки текста договора, либо вернуться к ДР в случае прекращения договорных отношений.

Одна из основных причин разночтений прямых речевых актов с глаголами, обеспечивающими адекватные пропозициональные условия, устанавливается при обращении к положениям Принципа Кооперации (ПК), сформулированного П. Грайсом [Грайс, 1985]. Известно, что ПК реализуется вследствие соблюдения четырёх максим общения: количества, качества, отношения и манеры, каждая из которых выражается декларативом-требованием к соответствующим параметрам *речи адресанта*. Отсюда, в частности, понятно наше внимание к референции говорящего.

Ценный опыт применения ПК в анализе юридического дискурса представлен в масштабном проекте факультета права университета Индианы, ре-

зультаты которого обобщены в статье с говорящим названием: «Язык права: роль прагматики в интерпретации законодательных актов» [Sinclair, 1985]. Законодательные акты принадлежат иному жанру, отличному от рассматриваемых в нашей работе, хотя деловые договоры к ним весьма близки. Судебные решения также показывают определённую жанровую близость к законодательным актам, особенно в резолютивной части аргументации ДЭС. Неслучайно одна из разработок проекта посвящена особенностям составления апелляционных судебных решений [Llewellyn, 1960].

М. Синклер подробно описывает порядок применения максим Грайса в ходе анализа прагматического компонента законодательных актов. Характерны его уточнения формулировок отдельных максим. Так, в супермаксиме количества акцентируется её вторая максима **«не говори слишком много»**. М. Синклер предупреждает: «[В этом случае] адресат может заподозрить, что, если ему слишком много сказано, в этом кроется какой-то смысл. В формулировке законодательных высказываний это следует учитывать в первую очередь» [Sinclair, 1985, p. 378]. Две максимы качества уточнены автором следующим образом: 1) нельзя внедрять законодательное положение, если кто-то может доказать, что оно не обеспечивает продвижение к конечной цели закона, 2) нельзя внедрять положение, если нет достаточных свидетельств его способности продвинуть закон к его конечной цели [Ibid. P. 397].

В целом признавая относительную лёгкость соблюдения максим количества и релевантности в формировании законодательных высказываний, М. Синклер отмечает, что требования максим качества и манеры выполнять гораздо труднее. Правда, по поводу манеры автор делает существенную оговорку. Супермаксима манеры – «Выражай мысли ясно» – имеет три максимы: 1) избегай неясных выражений, 2) избегай двусмысленности, неоднозначности, 3) избегай многословия [Ibid. P. 379]. Как полагает М. Синклер, «несоблюдение любой из этих максим может вызвать раздражение адресата, вынужденного выяснять, уточнять смысл высказывания, но не приведёт к нарушению Принципа Кооперации, если остальные максимы соблюдаются» [Ibid. P. 379-380].

Оценивая в терминах ПК прагматику судебных споров, отметим, что в них преобладают нарушения максим количества и качества. Особое внимание также необходимо уделить нарушениям максимы релевантности. Заметим, что нарушение максимы количества, которую М. Синклер считает «благополучной» в контексте законодательных высказываний, показывает, что прагматика текстов в жанре «законодательное положение», с одной, и в поджанре «судебный спор», с другой стороны, обнаруживает существенные различия. Что касается максимы манеры, реконструкция судебного спора на основе судебного решения не позволяет выявить соответствующие особенности; а priori согласимся с утверждением М. Синклера о том, что её несоблюдение не влечёт за собой нарушений Принципа Кооперации.

Формулировка супермаксимы количества П. Грайсом весьма проста: «Сообщай столько информации, сколько необходимо для понимания и взаимодействия» [Грайс, 1985, с. 233]. Из двух максим количества обычно нарушается

первая, предупреждающая против недостатка информации. Рассмотрим подробнее.

Пример 6. Контекст ситуации. Носитель ДР1, дистрибьютор листового металла на оптовом рынке в Пекине, заключил торговую сделку с носителем ДР2. Вскоре ДР2 оказался должником по оплате поставок. Обе стороны подтвердили, что долг составляет 33000 юаней. ДР1 констатирует, что после неоднократных истребований ДР2 оплатил 16000 юаней; таким образом, непогашенный долг остаётся в размере 17000 юаней.

ДР1 подал иск в Народный суд района Фэнтай Пекина с требованием к ДР2 выплатить 17000 юаней, предоставив 3 документа: 1) долговую расписку носителя ДР2 следующего содержания: «欠条, 人民币板材款叁万叁千元整。闫某某, 08.8.28». ‘Долговая расписка, 33000 юаней к оплате. (подпись). 08.8.28’, 2) подтверждение частичной оплаты: «2008年9月28日还12000.00元; 如有争议在昌平法院诉讼; 2009.5.13还欠款4000元, 张某某». ‘28 сентября 2008-го года оплатил деньги в размере 12000 юаней; если возникнет спор, то будет рассматриваться в районном суде Чанпин’ и 3) подтверждение последней оплаты, в котором обнаруживается архивное высказывание будущего спора: «2009.5.13还欠款4000元, 张某某» ‘13-го мая 2009-го года также “还” ‘hái’ / ‘huán’ 4000 юаней (подпись)’ [URL: <http://www.chinacourt.org/html/article/200912/03/383904.shtml>].

У носителей ДР нет разногласий в оценке объёма продаж ДР1 и начальной суммы долга ДР2. Однако у них расходящиеся интерпретации иероглифа “还”, характеризующего ‘задолженность в 4000 юаней’ в последнем документе: «huán» ‘хуань’ или «hái» ‘хай’. Носитель ДР1 настаивает, что “还” значит ‘хуань = возвращение’, т. е. частичное погашение задолженности в размере 4000 юаней, в то время как носитель ДР2 считает, что “还” значит ‘хай = остается’, т. е. ему остаётся выплатить только 4000 юаней для полного погашения долга [URL: <http://www.chinacourt.org/html/article/200912/03/383904.shtml> 2009].

Прагматические мотивы авторов расходящихся интерпретаций понятны, объяснений не требуют. Однако им наверняка были известны расхождения между единством знака письменной коммуникации “还” и его вариативностью в устной коммуникации, закреплённой в различии произношения. Нарушение максимы количества в этой коммуникативной ситуации очевидно: одного письменного знака “还” в коммуникативно неполном высказывании явно недостаточно, необходима дополнительная, уточняющая информация. Мы уже отмечали ранее, что подготовка текста договоров, равно как и текущих документов, фиксирующих деловые отношения сторон, нередко протекает в условиях ограниченного времени, вынуждающего адресанта стремиться к максимальной краткости. Неудивительно, что нарушения максимы количества – пожалуй, самая распространённая ошибка прагматического характера, препятствующая соблюдению Принципа Кооперации.

Носителем ДЭС установлено, что, исходя из сложившейся практики, после погашения кредита заемщик требует либо возврата или уничтожения дол-

говой расписки, либо выдачи документа, подтверждающего погашение долгового обязательства. В данном же случае носитель ДР2 не предоставил документов, свидетельствующих о погашении задолженности в размере 17000 юаней в полном объеме, что противоречит общепринятым нормам. Вердикт ДЭС весьма краток и однозначен (приводим заключительные аргументы): **A11.** *В соответствии со ст. 05 Положения Верховного народного суда о доказательствах в гражданском судопроизводстве, в случае возникновения споров и разногласий, связанных с исполнением условий заключенного договора, Сторона, ответственная за исполнение оспариваемых обязательств, предоставляет соответствующие подтверждающие документы.* **A12.** *В виду того, что ДР2, обязанность которого вернуть долг в размере 17000 юаней, не может предоставить доказательства, подтверждающие оплату данной суммы, доводы ДР2 недопустимы.* **Заключение:** *удовлетворить иски требования ДР1 в полном объеме.*

Дальнейший анализ материала показал, что прагматические ошибки аргументации в судебных спорах проявляются как нарушения ПК: супермаксим количества (максимы, предупреждающей против недостатка информации), качества (максимы «не говори того, что считаешь ложным») и максимы релевантности. Ошибки в результате нарушения максимы количества по их последствиям для исхода судебного спора близки ошибкам, возникающим в результате разночтения омонимичных референций. Нарушая максиму качества, носители ДР обычно пытаются подменить параметры предмета договора. Разоблачению возникающих ошибок аргументации иногда препятствует отсутствие лексикографического описания предмета.

Максима релевантности нарушается в результате подмены *argumentum ad rem* «бюрократическим» аргументом, *argumentum ad litteram*. Вместо рассмотрения означаемого архивного высказывания по существу ДР-нарушитель, пытается навязать обсуждение документов, часто имеющих весьма отдалённое отношение к сути дела. Власти *argumentum ad litteram* иногда уступает даже ДЭС.

В заключении подводятся итоги исследования и формулируются его результаты. В исследовании удалось получить данные, подтверждающие гипотезу исследования о том, что семантические причины ошибок – в целом результат нечёткой референции, в то время как прагматические – в нарушениях Принципа Кооперации.

Перспективы исследования. Реконструкция дискурса судебного спора на базе текстов договора и соответствующего судебного решения позволила провести первичную научную разработку проблемы. Очевидно, что привлечение к исследованию стенограмм судебных заседаний позволит уточнить структуру аргументации носителей ДР. В частности, в некоторых судебных решениях усматриваются следы прагма-диалектического подхода, позволяющего и ДР, и ДЭС допускать частичные изменения аргументативной стратегии. Также перспективно изучение речевого поведения участников судебных споров с точки

зрения естественно рассудочной аргументации. Очевидно, что обе перспективы потребуют использования иных эмпирических материалов и научных подходов.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Научные статьи в журналах, входящих в реестр ВАК РФ:

1. Ван, Хайцзяо Лексические особенности договоров на китайском языке / Ван Хайцзяо // Современное педагогическое образование. – 2021. – Вып. 12. – С. 176-181.

2. Ван, Хайцзяо Основные лингвистические параметры договоров на русском языке / Ван Хайцзяо // Modern Humanities Success. – 2022. – Вып. 2. – С. 214-220.

3. Ван, Хайцзяо Особенности жанра «деловое соглашение» с точки зрения речевых актов (на материале английского и русского языков) / Ван Хайцзяо // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Гуманитарные науки. – 2022. – Вып. 1-2. – С. 89-93.

4. Ван, Хайцзяо Основные лингвистические параметры договоров на английском языке / Ван Хайцзяо // Современный учёный. – 2022. – Вып. 2. – С. 14-18.

5. Ван, Хайцзяо Характеристика прямой коммуникации через призму теории речевых актов во вторичном жанре «ДОГОВОР» / Ван Хайцзяо, Ван Цин // Мир науки, культуры, образования. – 2022. – Вып. 2. – С. 370-372.

6. Ван, Хайцзяо Договорные споры, вызванные лингвистическими причинами (на материале договоров на русском языке) / Ван Хайцзяо, Ван Цин // Современный учёный. – 2022. – Вып. 3. – С. 130-134.

7. Ван, Хайцзяо Архивное высказывание как смысловой центр деловых судебных споров / Ван Хайцзяо, А.М. Каплуненко // Мир науки, культуры, образования. – 2023. – № 2. – С. 410-415.

Статьи в журналах, сборниках научных трудов и материалов научных конференций:

8. Ван, Хайцзяо Косвенный речевой акт в концепции «лица» (мяньцзы) в Китае / Ван Хайцзяо // Российская цивилизация: история, проблемы, перспективы: материалы XXIII межрегион. молодёжной научн.-практ. конф. с междунар. участием (г. Иркутск, 08 декабря 2019 г.). – Иркутск: Оттиск, 2020. – С. 218-223.

9. Ван, Хайцзяо Семантические и синтаксические особенности договора на русском языке (на материале документов на русском языке) / Ван Хайцзяо // Современные проблемы методики преподавания иностранных языков и культур, филологических, социальных, естественных и экономических дисциплин: материалы Международн. научн.-практ. конф., посвященной 55-летию подготовительного факультета для иностранных граждан и кафедры РКИ (г. Иркутск, 04 октября 2021 г.). – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2021. – С. 45-51.

10. Ван, Хайцзяо О лингвистических причинах договорных споров в китайском деловом дискурсе / Ван Хайцзяо // Global and Regional Research. – 2021. – Т. 3, № 4. – С. 236-240.